ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Пространственная экономика

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕНТНОГО ДОХОДА В НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНАХ

Анна Владимировна ВИНОГРАДОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и методологии,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация
avv21@yandex.ru

История статьи:
Принята 03.03.2015
Принята в доработанном виде 06.04.2015
Одобрена 20.04.2015

УДК 332.1

Ключевые слова: рента, нефть, газ, прибыль, налог

Аннотация

Предмет. Статья посвящена исследованию рентных отношений в нефтедобывающих регионах Российской Федерации. Развитие современной российской экономики рассмотрено в условиях ярковыраженной ориентации на эксплуатацию минерально-сырьевых и других природных ресурсов.

Цели. Разработка новых теоретико-методологических подходов к анализу противоречащих и взаимодействующих друг с другом групп интересов по поводу присвоения рентного дохода, выработка на этой основе рекомендаций по повышению эффективности его распределения между членами общества и регионами.

Методология. Методологической основой стали графическое и математическое моделирование, системный и функциональный анализ, основные инструменты и приемы неоклассического и институционального направления экономической мысли.

Результаты. В работе показана роль энергоресурсов в развитии нефтедобывающих регионов в Российской Федерации, а также роль спецификации прав собственности на природные ресурсы и институциональной среды в минерально-сырьевой отрасли. Показан положительный опыт штата Аляска (США) по развитию нефтедобывающего региона. Рассмотрены способы извлечения и распределения рентного дохода в этом регионе как наиболее удачные примеры гармонизации интересов федеральных и региональных органов власти.

Выводы. Сделан вывод о высокой зависимости благополучия развития региона в Российской Федерации от доходов нефтегазового сектора экономики. Результаты исследования позволят выявить возможности и угрозы для стабилизации экономики, увеличить бюджетные поступления, повысить благосостояние граждан страны, а также стимулировать производителей к рациональному использованию ограниченных ресурсов. Зарубежный опыт распределения нефтегазовых доходов может стать рекомендацией для повышения эффективности формирования и использования резервного фонда и фонда национального благосостояния в Российской Федерации. Основные положения работы могут быть использованы в ходе преподавания экономических дисциплин в вузах.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

Вопросы формирования и распределения рентного дохода, возникающего в отраслях, занимающихся переработкой невозобновляемых природных ресурсов, в российской экономике наиболее остро возникли в период перехода к рынку и усугубились в периоды динамического изменения цен на энергоресурсы. Природная рента — это сверхдоход, который создается в отраслях, где ресурс исчерпаем, невозобновляем, а конкурентная борьба жестко ограничена. Поскольку Российская Федерация является обладателем крупных мировых запасов углеводородов, наибольшая величина природной ренты создается в топливно-энергетическом комплексе (нефтегазовая рента). Неизбежным явлением стала проблема эффективного распределения рентных доходов как в самой отрасли, так и на региональном и федеральном уровнях.

При анализе рентных отношений в рыночной экономической системе значительную роль играют исследование институциональной среды в добывающих отраслях Российской Федерации и определение прав собственности на минеральные ресурсы. При создании системы отношений и «правил игры» в природопользовании важными элементами являются выявление и анализ взаимодействующих интересов субъектов экономики: общества и

государства, федеральных и региональных органов управления, настоящего и будущего поколений, бизнеса и чиновников [1]. Все данные хозяйствующие субъекты предъявляют спрос на рентный доход, а их интересы разнонаправлены, что создает в системе природопользования неизбежные противоречия.

Общественные и государственные интересы в сфере использования и распределения ресурсов, а также перераспределения доходов от них в любой исторический период времени были объектом противоречий. Основой методологии исследования данных вопросов являются характеристика прав собственности и правовые аспекты регулирования природопользования.

Теория прав собственности в истории экономики базируется на трудах Р. Коуза, А. Алчиана, Г. Демсеца, Д. Норта [2–5]. Актуальность анализа прав собственности в экономике очевидна. Данная теория включает нормы и правила, регулирующие доступ к редким ограниченным и невозобновляемым ресурсам. В основе «правил игры» лежат как формальные (государство), так и неформальные (обычаи, традиции, привычки, религиозно-нравственные и моральные установки) институты. С одной стороны (индивидуума), права собственности определяют «пучки правомочий», исследованные детально А. Оноре в 1970-е гг. Элементы «пучка» прав собственности могут расщепляться так, что одна часть принадлежит одному человеку, а другая — другому. Например, право владеть ресурсом — одному, а право *получать доход* от него — другому индивидууму. Выше ценность того ресурса, за которым закреплено больше элементов прав собственности. Важным решением вопроса спецификации прав собственности стала знаменитая теорема Рональда Коуза: «…если права собственности четко определены и трансакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов будет оставаться неизменным и эффективным независимо от распределения прав собственности» [6].

В российской экономике на протяжении нескольких лет становления рыночных отношений сложились следующие формальные «правила игры» в отношении собственности на природные ресурсы, закрепленные:

- в Конституции Российской Федерации (ст. 9, ч. 2): «…земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной и муниципальной формах собственности»[1],
- в Законе «О недрах» (ст. 1.2): «…недра являются государственной собственностью»[2]. Таким образом, один формальный институт противоречит другому. «Размытая» институциональная среда способствует созданию непрозрачного механизма формирования природной ренты и недоспецифицированности прав собственности на ресурсы. Установившиеся правила игры дают условия для захвата природной ренты и возможность присваивать рентный доход владельцам крупного капитала.

В развитых странах мира, являющихся крупными недропользователями (США, Канада, Австралия, Великобритания, Норвегия и др.), используется либеральная система институтов в отношении собственности на природные ресурсы, которая регулирует хозяйственный оборот обычных активов. При этом система дополнена нормами и правилами, которые жестко регламентируют использование недр. Такие правила позволяют государству обеспечивать защиту своих прав собственности и формировать эффективные условия для освоения и потребления исчерпаемых природных ресурсов, отвечающих интересам всего общества.

Энергетическая отрасль экономики является наиболее важным пластом в развитии Российской Федерации на протяжении последних лет. В нефтегазовой отрасли, как и во многих других, наблюдается расщепление прав собственности, проявляющееся в организационной структуре самой отрасли. В российской экономике предприятия энергетического комплекса объединены в монополизированные вертикально интегрированные нефтяные компании (Лукойл, Роснефть, Сургутнефтегаз и др.), а также в глобальную энергетическую компанию «Газпром». Такие мощные компании образовались путем слияния и поглощения одних другими. Так, в 2004 г. Роснефть, являясь преемником компании «Роснефтегаз», приобрела контрольный пакет акций Юганскнефтегаза, а в марте 2013 г. полностью выкупила активы ОАО «ТНК-ВР Холдинг».

В 2005 г. доля Российской Федерации в структуре акционерного капитала ОАО «Газпром» увеличилась до контрольного пакета (50,002%) путем приобретения 10,74% акций компании «Роснефтегаз». В нефтегазовых холдингах осуществляется весь цикл производства: от геолого-разведочных работ, добычи и транспортировки до реализации. Территория страны поделена нефтегазовыми компаниями на зоны реализации

[1] Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2014. 64 с.

[2] О недрах: Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1.

Таблица 1

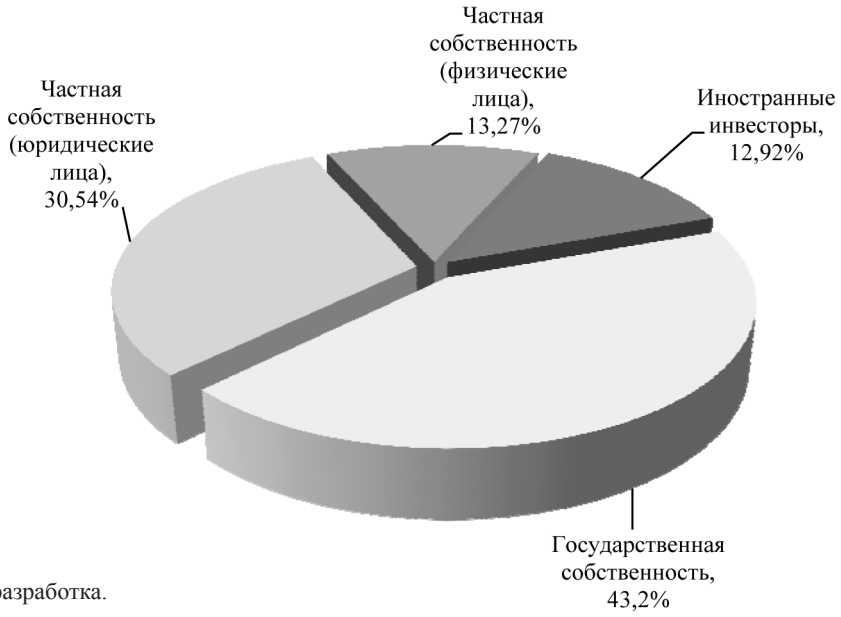
Структура собственности в нефтегазовом комплексе Российской Федерации в 1995–2014 гг., %

Вид собственности	1995	2005	2014
Государственная собственность	31,71	11,16	43,274
Частная собственность (юридические лица)	34,59	47,54	30,54
Частная собственность (физические лица)	31,82	24,18	13,27
Собственность иностранных инвесторов	1,88	17,12	12,92

Источник: авторская разработка.

Рисунок 1

Структура собственности в нефтегазовом комплексе Российской Федерации на 01.01.2014



Источник: авторская разработка.

энергоресурсов. Конкуренции, таким образом, в большинстве регионов нет, при этом стоит отметить, что в доходах консолидированного бюджета и экспорте Российской Федерации энергетические ресурсы занимают до 60%.

Размытая институциональная среда в стране, сформировавшаяся в 1990-е гг., создала предпосылки для захвата прав и передела собственности в нефтегазовом комплексе (табл. 1, рис. 1). По мнению С. Кимельмана, главным инструментом перераспределения собственности в тот период являлась низкая внутренняя закупочная цена, которую нефтегазовые предприятия использовали не только для занижения налогооблагаемой базы [7, 8].

По мнению члена-корреспондента Российской академии наук В. Крюкова, в Российской Федерации исторически сложившаяся ситуация в сфере природопользования показывает, к каким последствиям может привести неполнота системы как «базовых, так и комплементарных институтов», регламентирующих нормы и правила использования недр в хозяйственном обороте. В стране при освоении и распределении энергетических ресурсов в большей степени учитывались не столько общественные интересы, сколько интересы акционеров сырьевых компаний [9]. Цель институтов регулирования экономики в жизни общества должна основываться на том, что государство, реализуя интересы общества, прямыми или косвенными инструментами должно добиваться сдвига рыночного оптимального уровня производства к социально оптимальному уровню выпуска продукции.

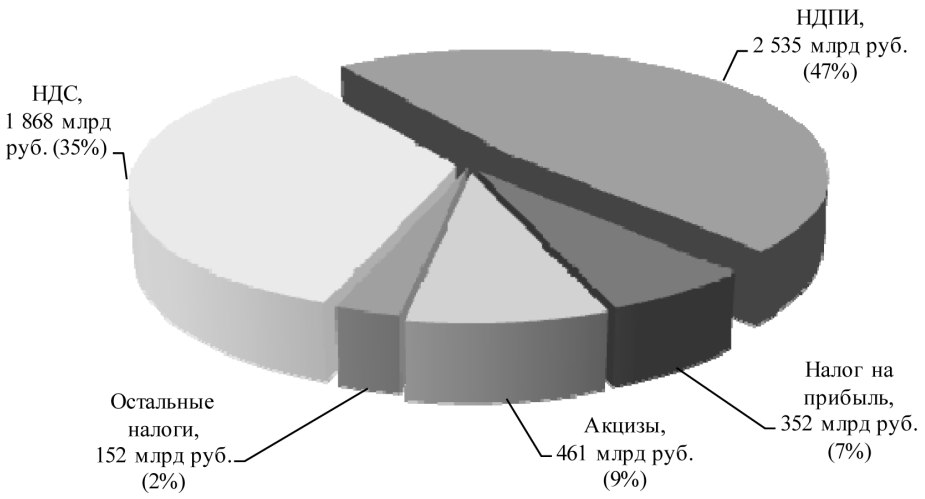
В отношениях распределения рентных доходов возникают противоречия интересов федеральных и региональных органов власти. Отсутствие четких «правил игры» распределения прав собственности на недра между центром и субъектами Российской Федерации обусловливает существование проблем, оказывающих негативное влияние на развитие региональной экономики.

Ключевыми из них являются:

– диспропорциональное и неравномерное социально-экономическое развитие регионов;

Рисунок 2

Доходы федерального бюджета за 2013 г.



Источник: авторская разработка.

- ограниченные финансовые возможности и властные полномочия местных органов власти;
- растущее региональное иждивенчество, реализуемое через дотации и субсидии;
- отсутствие в российских регионах стимулов к увеличению социально-экономического и налогового потенциала.

Установившиеся административный и социально-экономический механизмы решения этих вопросов без мотивационной составляющей еще сильнее усиливают отставание беднейших субъектов страны. Так, по объему промышленного производства на душу населения в 2000 г. самый беднейший регион отставал от самого доходного в 64 раза, а к 2013 г. это отставание увеличилось до 84 раз (3 387,48/40 000,39 руб./чел.). По величине доходов консолидированного бюджета на одного человека, по данным 2012 г., это отставание было в 13 раз (365,1/27 000,2 руб./чел.)[3]. Лидирующие позиции по данным показателям с существенным отрывом от других регионов заняли Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Тюменская и Сахалинская области. Все перечисленные регионы относятся к группе экспортно ориентированных. При этом основой их экспорта являются углеводороды. Завершают этот список в 2013 г. (как и в 2005 г.) регионы аграрно-промышленной направленности: Калмыкия, Тыва, Ингушетия, Дагестан.

В развитых странах производство товаров на душу населения в десятки раз выше, чем в Российской Федерации, которая на протяжении 20 лет инвестирует в основной капитал незначительные средства. При этом она продолжает оставаться лидером по доле торговли в валовом внутреннем продукте. Такая тенденция приведет Российскую Федерацию к доиндустриальной фазе. Лидером, по данным 2012 г., по величине добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности была Япония, где на душу населения приходилось 8 тыс. долл. В Российской Федерации этот показатель составляет 0,5 тыс. долл. на душу населения [10].

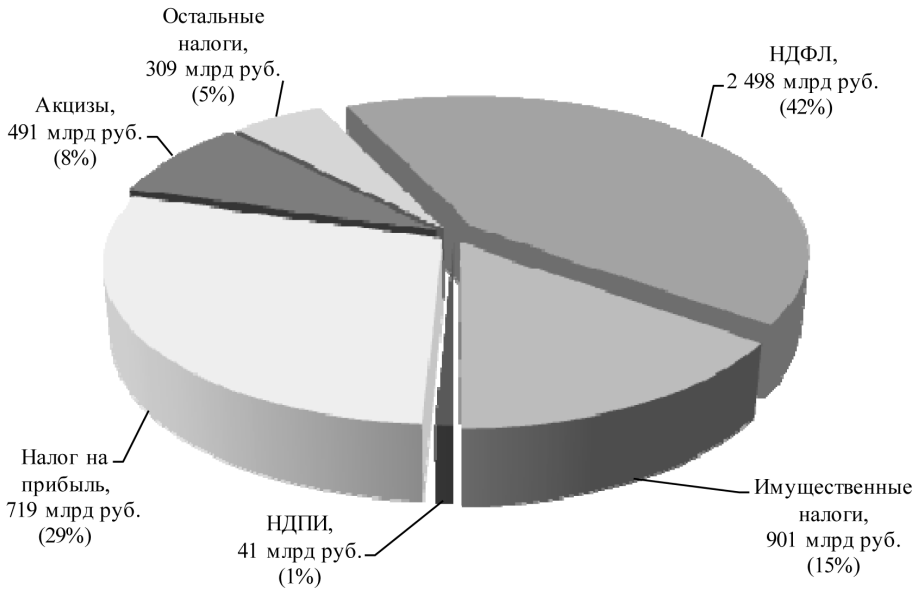
Некоторый период времени объектом противоречий федеральных и региональных органов власти был налог на добычу полезных ископаемых. До 2005 г. данный налог целиком оставался в бюджете субъектов Российской Федерации. После 2005 г. этот налог на 99% перешел в федеральный бюджет, а регионам остается 1% (если учитывать все природные ресурсы, облагаемые этим налогом). По мнению экс-министра финансов А. Кудрина, «налог на добычу полезных ископаемых как рентный налог должен централизоваться в федеральном бюджете и служить общефедеральным целям и выравниванию бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» [11]. За 2013 г. в федеральный бюджет поступили доходы от налога на добычу полезных ископаемых в размере 2 535 млрд руб. (рис. 2), а в регионы — лишь 41 млрд руб. (рис. 3)[4].

[3] Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2013 года. М.: РИАРЕЙТИНГ, 2014. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2014.pdf/.

[4] Структура поступлений в федеральный бюджет. URL: http: http://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm.

Рисунок 3

Доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за 2013 г



Источник: авторская разработка.

Таблица 2

Денежные доходы на душу населения и средний размер назначенных пенсий в 2012–2013 гг. по регионам, руб.

Субъект Федерации	Денежные доходы на душу населения		Средний размер назначенных пенсий	
	2012	2013	2012	2013
Ненецкий автономный округ	61 937	66 276	14 076	15 499
Ямало-Ненецкий автономный округ	52 342	58 040	13 943	15 332
Москва	48 622	54 870	9 845	10 851
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	36 088	39 292	13 830	15 232
Нижегородская область	21 518	24 503	8 982	9 842
Республика Калмыкия	10 184	11 311	7 877	8 598
В среднем по стране	***23 058***	***25 928***	***8 876***	***9 790***

Источник: данные Росстата.

Однако денежные доходы на душу населения, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и средний размер назначенных пенсий продолжают оставаться наиболее высокими в ресурсодобывающих регионах. Расслоение общества по данным доходам между некоторыми субъектами Российской Федерации представлено в табл. 2 и 3.

Высокие уровни доходов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и Ямало-Ненецком автономном округе обусловлены сосредоточением на их территории основных запасов нефтегазовых ресурсов (рис. 4)[5].

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра является одним из крупнейших нефтедобывающих регионов мира (413 месторождений нефти и газа), где добывается более 6% общемировой нефти. С 1964 г. накопленная добыча составила 7 800 млн т. В 2013 г. округ обеспечил 49% добычи общероссийской нефти (255,1 млн т.) и 5% газа (32,3 млрд м^3). Всего в округе работают 104 нефтегазодобывающих предприятия. К наиболее крупным компаниям относятся «Роснефть», «Сургутнефтегаз» и «ЛУКОЙЛ». В 1970-е гг. в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре начались интенсивные разработки новых месторождений, в результате было добыто 10 219,97 млн т нефти. Предприятия округа обеспечивают значительную долю экономики Российской Федерации: 7,5% промышленного

[5] Официальный сайт Ханты-Мансийского АО — Югра. URL: http://urlid.ru/ajkz.

Таблица 3

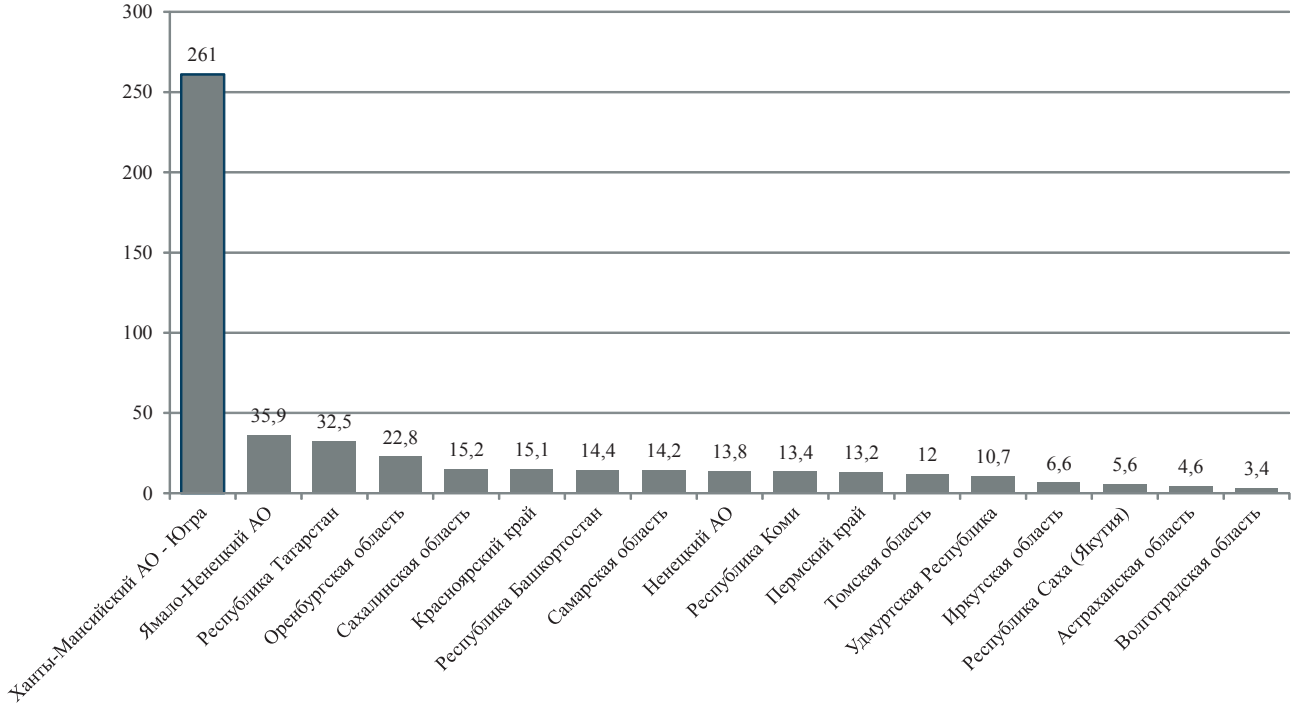
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2007–2014 гг. по регионам, руб.

Субъект Федерации	Денежные доходы в расчете на душу населения		
	2007	2013	2014
Ямало-Ненецкий автономный округ	37 364	69 439	73 197
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	32 228	54 533	55 800
Москва	23 623	56 262	59 338
Нижегородская область	10 302	23 802	25 095
В среднем по стране	***13 593***	***25 928***	***27 887***

Источник: данные Росстата.

Рисунок 4

Добыча нефти в субъектах Российской Федерации в 2011 г., млн т



Источник: данные Росстата.

производства и 15,1% доходов государственного бюджета[6].

Энергетический потенциал Российской Федерации сосредоточен в основном в регионах Сибири, Дальнего Востока и Арктики, на Севере и Востоке. Однако инфраструктура их не развита и индустриально они не освоены. В настоящее время именно вблизи восточных границ страны происходит наиболее динамичное развитие экономики и торговли [12]. Тихоокеанский рынок — крупнейший и самый динамично развивающийся рынок энергоносителей в мире. Это может стимулировать экономическое развитие, повышение качества жизни и рост численности российского населения в этих важных регионах.

По итогам 2014 г. добыча нефти в Российской Федерации увеличилась на 0,6% по сравнению с предыдущим годом и составила 526,753 млн т. Среднесуточная добыча нефти составила 1,443 млн т — это рекордный показатель с 1987 г., когда добыча составляла 1,5 млн т в сутки[7]. Несмотря на динамичное снижение цен на энергоресурсы нефтегазовая отрасль продолжает показывать наибольшую рентабельность в промышленности. За счет налога на прибыль (18% — в региональный (с 2009 г.) и 2% в федеральный бюджеты) нефтегазодобывающие

[6] Экономика. URL: http://urlid.ru/ajkz.

[7] Россия увеличила добычу нефти в 2014 году на 0,6%. URL: http://urlid.ru/ajl0.

регионы обеспеченны достаточными бюджетными средствами. Высокие прибыли энергетических компаний позволяют нефтедобывающим регионам иметь показатель дохода на душу населения выше, чем у всех других субъектов Российской Федерации, который превышает даже показатель Москвы. В Нижегородской области данный показатель соответствует среднему по стране [13]. Политика централизации финансовых ресурсов, начавшаяся в 2002 г. в стране, частично решает вопрос извлечения природной ренты у нефтегазовых регионов. Однако, по мнению профессора Российской экономической школы Е. Гурвича, изъятие природной ренты для внутренних поставок на российский рынок явно недостаточно в отличие от ее изъятия при поставках на внешний рынок, где оно избыточно, так как применяется еще и экспортная пошлина [14].

Отличительный подход к решению вопроса природной ренты существует в США (однако в настоящее время эта страна может считаться скорее импортером топлива, чем добытчиком нефти и газа). Там собственником недр являются и государство, и частные компании, а в начале 1970-х гг. вопросы получения, распределения и использования природной ренты были переданы на уровень штатов. Особенностью недропользования в США является то, что собственником недр в этой стране могут быть не только государство и штаты, но и частные лица. В соответствии с этим разделяются и доходы от использования природных ресурсов. Согласно закону о размещении минеральных ресурсов 1872 г.[8] собственники недр имеют право получать рентные доходы от нефтедобычи в виде бонусов (единовременно уплачиваемых сумм при конкурсном распределении прав на эксплуатацию природных объектов), ренталс, роялти или в виде участия в собственности нефтяных компаний. Помимо перечисленных рентных платежей нефтедобыча облагается налогами, которые поступают в федеральный бюджет и бюджет штата. Рассмотрим опыт извлечения и распределения рентного дохода именно в этом регионе, поскольку, на взгляд автора, это наиболее удачный пример гармонизации интересов федеральных и региональных органов власти.

Существенные достижения в решении вопросов перераспределения сверхдоходов были сделаны в штате Аляска. Основой экономики штата является добыча полезных ископаемых:

- Аляска занимает 2-е место в США (после Невады) по объемам добычи золота;
- штат дает США около 8% добычи серебра;
- шахта «Ред Дог» на севере Аляски приносит около 10% мировой добычи цинка, а также значительные количества серебра и свинца;
- Аляска занимает 2-е место в США (после Техаса) по добыче нефти, там добывается 20% американской нефти. Месторождение Прудо-Бэй — крупнейшее в Соединенных Штатах (8% добычи нефти в стране) [15].

На северо-западе огромную территорию занимает Национальный нефтяной резерв — земли, на которых разведаны нефтяные месторождения, но добыча не ведется. Суровый климат, сравнительно небольшая численность населения (300 000 чел.) обусловили важность вопросов перераспределения сверхдоходов от реализации нефти, получаемых штатом. В связи с этим на Аляске были созданы два фонда: Перманентный фонд штата Аляска (1976 г.) и Конституционный бюджетный резервный фонд (1990 г.).

Цели Перманентного фонда:

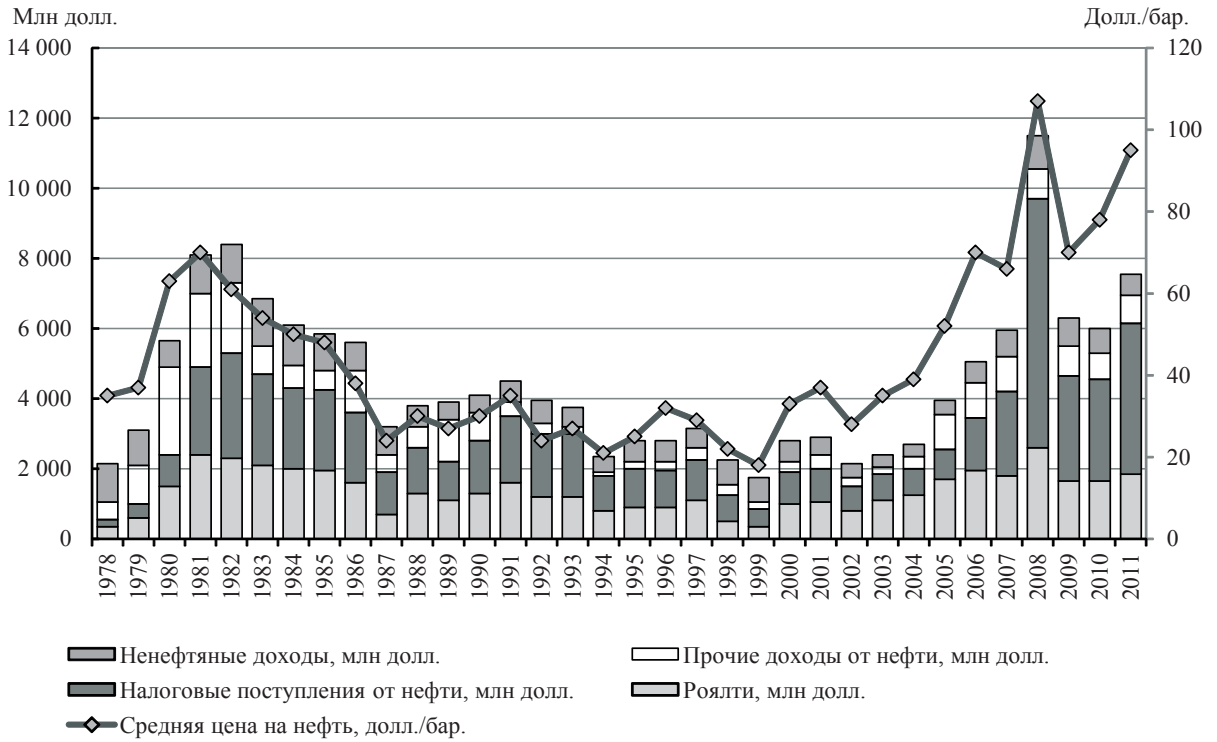
- превращение невозобновляемого богатства в возобновляемое;
- создание инвестиционной базы, способной приносить доход в будущем, чтобы, когда доходы от нефти упадут, сохранился источник бюджетного дохода для правительства и будущих жителей Аляски;
- законодательно вывести значительную часть поступающих от нефти доходов из-под власти государства в целях недопущения избыточных государственных расходов.

Конституционный бюджетный резервный фонд выступает в роли вспомогательного источника средств на случай возникновения дефицита бюджета. Ежегодно законодательными органами власти устанавливается лимит средств, которые могут быть использованы из фонда в данном году, который может быть изменен в зависимости от цен на нефть. Средства, передаваемые фондом в бюджет, оформляются в виде долга и должны быть возвращены в фонд в годы, когда бюджет выполняется с профицитом. Источниками средств этого фонда являются все платежи, полученные за счет пеней и штрафов, связанных с разрешением споров по поводу налогообложения нефтедобычи и взимания роялти. Самым крупным источником

[8] General Mining Act of 1872. Sess. 2, ch. 152, 17 Stat. 91–96. URL: http://urlid.ru/ajl1.

Рисунок 5

Динамика нефтяных и ненефтяных доходов штата Аляска в 1978–2011 гг.



Источник: *Knapp G.* An Introduction to the Economy of Alaska. February 2012. URL: http://urlid.ru/ajl2.

консолидированного дохода штата Аляска является нефть (78% в 2000 г.).

Доход от энергоресурсов штат получает четырьмя способами:

1) от налога на добычу полезных ископаемых, который применяется только для суши и офшорных зон. Ставка налога составляет 12,25% от стоимости реализованной продукции на протяжении первых пяти лет добычи и 15% в дальнейшем. Этот налог уменьшается на менее прибыльных месторождениях на основе экономического лимитирования, но он не может быть менее 80 центов за баррель. Кроме того, взимается плата за ущерб окружающей среде при опасных выбросах нефти в размере 3 цента за баррель. Дополнительно взимается 2 цента с каждого барреля добытой нефти, если на счете у фонда охраны природы от разливов нефти остается менее 50 млн долл.;
2) от налога на оборудование для добычи (на имущество), при этом ставка налога составляет 2%. Общая оценочная стоимость нефтяного имущества в 2000 г. составила 13,3 млрд долл. [16];
3) от налога на доход корпораций (на прибыль), при котором ставка налога составляет 9,4% чистого дохода, полученного компанией непосредственно на Аляске [17];
4) от роялти: на суше — от 12,5% до 30%, на море — 18,75%. В течение последних 30 лет на арендуемых территориях континентального шельфа Аляски ставка роялти составляла 12,5% от стоимости добытой нефти и дохода от договоров аренды, так как почти вся добыча нефти на Аляске в настоящее время ведется на государственных землях[9].

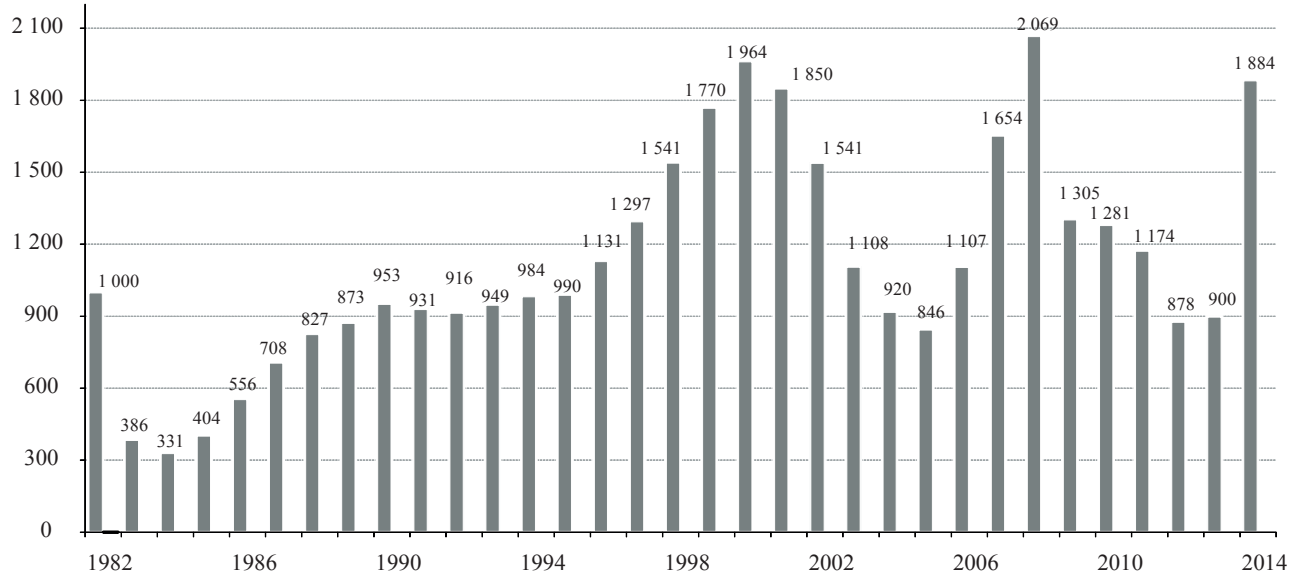
Динамика нефтяных и ненефтяных доходов штата Аляска (с учетом инфляции) представлена на рис. 5.

В Перманентный фонд поступает не менее 25% отходящих штату рентных доходов от добычи нефти и других минеральных ресурсов, роялти и федеральных платежей [18]. Основной капитал фонда защищен конституцией и не может расходоваться без согласия избирателей. Для сбалансированности бюджета его использовать нельзя. Одна часть фонда тратится на защиту фонда от инфляции, а вторая — выплачивается каждый год в виде дивидендов всем жителям штата. За последние годы дивиденды росли быстрыми темпами (рис. 6).

[9] Global Oil and Gas Tax Leader. Ernst & Young, 2010.

Рисунок 6

Дивиденды Перманентного фонда Аляски в 1982–2014 гг., долл.



Источник: The Permanent fund Dividend. URL: http://www.apfc.org/home/Content/dividend/dividend.cfm.

Рыночная стоимость Перманентного фонда на начало 2001 г. превышала 26 млрд долл., из которых 20 млрд приходилось на основной капитал. Около 38% активов фонда вложены в акции отечественных предприятий, 17% — в акции международных компаний, 35% — в отечественные облигации и 10% — в недвижимость.

В настоящее время Перманентный фонд штата Аляска входит в сотню крупнейших инвестиционных фондов мира. На 01.01.2015 доходы фонда составили 1 884 млрд долл. с доходностью 21%[10]. В связи с падением цен на энергоресурсы в 2014 г. специалисты института социальных и экономических исследований штата Аляска ожидают снижение доходов от нефтедобычи и на 2015 г. [19].

В соответствии с законодательством создана корпорация по управлению данным фондом. Она управляется советом из шести попечителей, назначаемых губернатором штата. Главными задачами корпорации являются максимизация стоимости фонда путем эффективного долгосрочного инвестирования и защита основного капитала в целях предоставления доходов всем поколениям жителей Аляски.

Противоречия интересов проявляются также между настоящим и будущим поколениями. Такое явление характерно для добывающих отраслей при финансировании геологоразведочных работ. В условиях высокой изношенности основных фондов (около 50%), снижения качества сырья, роста доли трудноизвлекаемых запасов происходит недофинансирование данных направлений в нефтегазовом комплексе. Так, в 2003 г. затраты на геологоразведочные работы составляли 38,5 млрд руб. (1,3 млрд дол.). Это всего 1,6% от суммы выручки нефтяной промышленности, из которой расходы за счет компаний составляли 32,6 млрд руб. (1,1 млрд долл.). Разработка новых месторождений является необходимым условием устойчивого развития экономики в долгосрочной перспективе и обеспечения благосостояния будущих поколений. За последние 22 года объем геологоразведочных работ сократился в 5–6 раз, что приведет к падению добычи нефти в ближайшей перспективе. За последние три года недофинансирование составило 450 млрд руб. [20]. По сравнению с западными добывающими компаниями российские вертикально интегрированные нефтяные гиганты тратят на геологоразведку в несколько раз меньше. По расчетам экспертов, данные расходы в российском топливно-энергетическом комплексе составляют 0,3–0,6% от выручки, а у зарубежных нефтедобывающих предприятий — 1–3%. К сожалению, даже применение технологий интенсификации добычи (капитальный ремонт скважин, гидроразрыв пласта и кислотная обработка) способны дать лишь кратковременный

[10] Annual dividend payouts**.** URL: htpp://www.apfc.org/home/Content/dividend/dividendamounts.cfm**.**

эффект, за которым неизбежно последует резкий спад [21]. Усугубление противоречий интересов настоящего и будущего поколений происходит еще и вследствие поведения чиновников. Размытые права собственности, непоследовательность их принятия, нечеткое распределение этих прав приводят к образованию противоречий интересов бизнес-структур и чиновников. В результате каждая сторона принимает неэффективные решения с точки зрения общества: происходит чрезмерное исчерпание природных ресурсов, сокращается величина нефтегазовой ренты, уменьшается общественное благосостояние. Государственные власти принимают решения, обеспечивающие явные и немедленные выгоды: во-первых, это повышает популярность политика перед выборами, во-вторых, дает финансирование на период его избрания. Однако такие решения политиков при распределении ресурсов не являются оптимальными с точки зрения общества в связи с ограниченными «горизонтами» видения проблемы.

Решить данные проблемы можно путем создания устойчивой институциональной среды и четкой «спецификации» прав собственности, что является необходимым условием эффективной работы рыночной экономики. Защита прав собственности и их реализуемость — достаточные условия принятия экономически наиболее эффективных решений.

При решении вопросов оптимизации прав собственности в нефтегазовом комплексе необходимо учитывать следующие моменты: с одной стороны, очевидно, что государство должно оставаться собственником недр, с другой — превращать всю цепочку производителей энергопродуктов в огромную государственную корпорацию или вертикально интегрированную структуру вряд ли является эффективным решением. Государственный менеджмент исторически доказал свою недостаточную эффективность в принятии производственных решений. Несмотря на снижение цен на энергоресурсы в течение 2014 г., по данным ежеквартального отчета ОАО «Газпром нефть», доходы членов правления увеличились на 15,4% (до 903,06 млн руб.). В 2013 г. доходы членов правления превысили 782 млн руб. Правление компании «Газпром нефти» состоит из десяти человек. В структуре дохода за 2014 г. заработная плата составила 451,549 млн руб., премии — 424,398 млн руб., иные вознаграждения — 27,112 млн руб. Таким образом, члены правления материнской компании зарабатывают в 1,65 раза больше членов правления ОАО «Газпром нефть»[11]. При этом в целом по стране, по данным Минэкономразвития России, динамика потребительского спроса находится в отрицательных значениях, спад по реальной заработной плате составляет более 9%, по реальным доходам населения — более 6%. В компании «Газпром нефть» сложная и запутанная структура, топ-менеджеры там занимают сразу несколько должностей: и в основной компании, и в ее «дочках». Из-за пристального внимания общественности к доходам членов правления компании большая их часть формируется именно через дочерние предприятия. На руководящих должностях в государственных корпорациях нередко присутствуют не специалисты своего дела, а легко управляемые лица.

Составляющие природной ренты и предложения по их эффективному распределению между членами общества представлены на рис. 7.

Анализ данных, представленных на рис. 7, показывает, что в состав природной ренты входит и институциональная рента, условия возникновения которой должны устраняться государством. Таким образом, наиболее эффективными структурами собственности могут стать государственно-частное партнерство и смешанные формы собственности. Наиболее оптимальной системой прав собственности на природные ресурсы, учитывающей всю противоречивую структуру интересов, сложный и непрозрачный механизм формирования рентных доходов в нефтегазовом комплексе, является следующая:

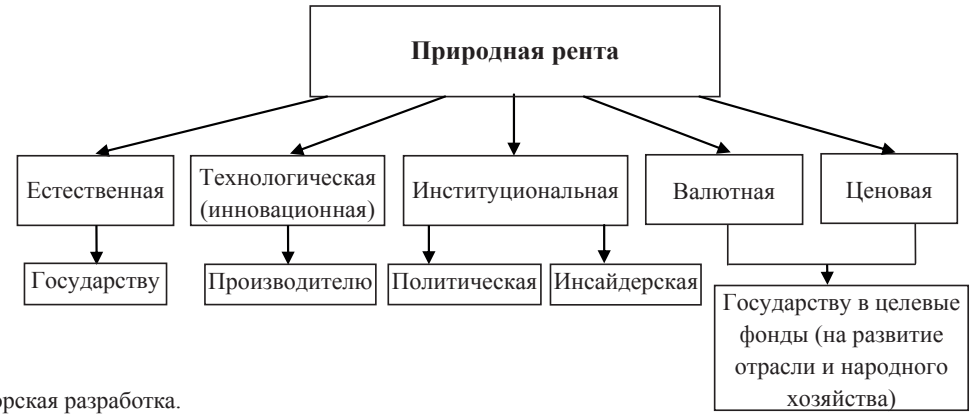
- собственность на недра — общественная;
- право владения и распоряжения ими — государственное;
- право на их использование — частно-государственное;
- право на доход от недр — расщепленное.

Кроме того, необходимо четкое распределение ренты между частными компаниями и государством. Если лишить производящие и перерабатывающие компании возможности распоряжаться некоторой долей финансовых средств, то произойдет ухудшение состояния их фондов, снизится инвестиционная активность, упадет стимул для их развития и модернизации. В государственных корпорациях, где доля собственности государства

[11] Доходы членов правления «Газпром нефти» в 2014 г. выросли на 15 %. URL: http://urlid.ru/an3w.

Рисунок 7

Распределение элементов природной ренты в нефтегазовом комплексе Российской Федерации



Источник: авторская разработка.

составляет 50% акций плюс одна и более, однозначно должны внедряться ключевые показатели эффективности. В первую очередь это требование снижения операционных затрат не менее чем на 2–3% в год, а также обоснование представительских расходов и их необходимости для компании. Затраты на оплату труда руководителей государственных компаний должны прямо соотноситься с достигнутым результатом и экономической целесообразностью.

Список литературы

1. *Виноградова А.В., Климова Е.З.* Рентные отношения в системе социально-экономических интересов и отношений собственности в России // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2014. Т. 5. № 3. С. 97–106.
2. *Alchian A.* Some economics of property rights // Il Politico. 1965. № 30. P. 816–829.
3. *Алчиан А.* Права собственности. М.: ИНФРА-М, 2004. 931 с.
4. *Demsetz H.* Toward a theory of property rights // American Economic Review. 1967. № 2. P. 57–58.
5. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
6. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.
7. *Кимельман С., Андрюшин С.* Проблема горной ренты в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 30–42.
8. *Кимельман С.А.* Сырьевой сектор экономики России: состояние и возможности развития // Экономика региона. 2010. № 4. С. 173–182.
9. *Крюков В.* Анализ развития системы недропользования в России // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 86–101.
10. *Гурова Т.* Мы ничего не производим // Эксперт. 2012. № 47. URL: http://expert.ru/expert/2012/47/myi-nichego-ne-proizvodim/.
11. *Кудрин А.* Стабилизационный фонд: зарубежный и российский опыт // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 28–45.
12. *Коржубаев А.Г., Курилов В.И., Левинталь Ф.Б., Меламед И.И.* Геополитические приоритеты энергетической стратегии России // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2012. № 1. С. 6–18.
13. *Пыхтеев Ю.Н., Эгамов А.И.* Модель стремительно развивающегося сектора применительно к российской экономике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 4-1. С. 333–338.

14. *Гурвич Е.* Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 4–24.
15. The Role of the Oil and Gas Industry In Alaska's Economy. McDowell Group. October 2011. URL: http://urlid.ru/ajl7.
16. *Goldsmith S.* Alaska's Oil Production Tax: Comparing the Old and the New. Institute of Social and Economic Research. Web Note № 17. May 2014. URL: http://urlid.ru/ajl3.
17. *Berman M.* Comparing Alaska's Oil Production Taxes: Incentives and Assumptions. August 2014. 28 p. URL: http://urlid.ru/ajl4.
18. *Knapp G*. An Introduction to the Economy of Alaska. 1 February 2012. 46 p. URL: http://urlid.ru/ajl5.
19. *Goldsmith S*. Maximum Sustainable Yield: A Path to a Sustainable State Budget. Institute of Social and Economic Research. University of Alaska, Anchorage. 2014. January. URL: http://urlid.ru/ajl6.
20. *Воронина А.С., Пыхтеев Ю.Н.* Инновационный потенциал — основа долгосрочного роста российской экономики // Проблемы современной экономики. 2014. № 3. С. 25–30.
21. *Ушаков Е.П.* Рентные отношения природопользования в России // Экономическая наука современной России. 2008. № S1. С. 213–214.

ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Spatial Economics

SOCIO-ECONOMIC CONTRADICTIONS OF RENTAL INCOME DISTRIBUTION IN OIL-PRODUCING REGIONS

Anna V. VINOGRADOVA

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod — National Research University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
avv21@yandex.ru

Article history:
Received 3 March 2015
Received in revised form
6 April 2015
Accepted 20 April 2015

Keywords: oil, gas, rent, profit, tax

Abstract

Subject The article considers the rental relations in oil-producing regions of the Russian Federation.

Objectives The paper aims to develop new theoretical and methodological approaches to the analysis of the contradictory and interacting interests about the appropriation of rental income and develop, on this basis, recommendations for improving the efficiency of its distribution among the members of society and regions.

Methods Graphical and mathematical modeling, system and functional analysis, the basic tools and techniques of neoclassical and institutional economic thought served the methodological basis of the study.

Results The article shows the role of energy resources in the development of the oil producing regions in the Russian Federation, as well as the role of the specification of property rights over natural resources and institutional environment in the mineral industry. It also says of a positive experience of Alaska (U.S. state) in developing the oil-producing region. The paper considers the rental income deriving and distribution methods in this region as very good examples of harmonization of interests of federal and regional authorities.

Conclusions and Relevance The article concludes of a high dependency of welfare development of the region in the Russian Federation on the proceeds of the oil and gas sector of the economy. The results of the study will help identify opportunities and threats to the stabilization of the economy, increase budget revenue, improve the well-being of citizens, as well as encourage producers to the rational use of limited resources. The oil-and-gas income distribution experience can become a good recommendation for improving the effectiveness of formation and use of the Reserve Fund and National Wealth Fund of the Russian Federation. The main provisions of the work can be used for teaching economic disciplines in Universities.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. Vinogradova A.V., Klimova E.Z. Rentnye otnosheniya v sisteme sotsial'no-ekonomicheskikh interesov i otnoshenii sobstvennosti v Rossii [Rental relations in the system of socio-economic interests and property relations in Russia]. *Journal of Economic Regulation*, 2014, vol. 5, no. 3, pp. 97–106.
2. Alchian A.A. Some Economics of Property Rights. *Il Politico*, 1965, no. 30, pp. 816–829.
3. Alchian A.A. *Prava sobstvennosti* [Property Rights]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004, 931 p.
4. Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights. *The American Economic Review*, 1967, no. 2, pp. 57–58.
5. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi Nachala Publ., 1997, 180 p.
6. Kouz R. *Firma, rynok i pravo* [The Firm, the Market and the Law]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007, 224 p.
7. Kimel'man S., Andryushin S. Problema gornoi renty v sovremennoi Rossii [The issue of mining rent in modern Russia]. *Voprosy Economiki*, 2004, no. 2, pp. 30–42.
8. Kimel'man S.A. Syr'evoi sektor ekonomiki Rossii: sostoyanie i vozmozhnosti razvitiya [The commodity sector of the Russian economy: the current situation and opportunities for development]. *Ekonomika regiona = The Region's Economy*, 2010, no. 4, pp. 173–182.

9. Kryukov V. Analiz razvitiya sistemy nedropol'zovaniya v Rossii [Analysis of the development of subsoil use in Russia]. *Voprosy Economiki*, 2006, no. 1, pp. 86–101.

10. Gurova T. [We do not produce]. *Ekspert*, 2012, no. 47. (In Russ.) Available at: http://expert.ru/expert/2012/47/myi-nichego-ne-proizvodim/.

11. Kudrin A. Stabilizatsionnyi fond: zarubezhnyi i rossiiskii opyt [Stabilization Fund: the international and Russian experiences]. *Voprosy Economiki*, 2006, no. 2, pp. 28–45.

12. Korzhubaev A.G., Kurilov V.I., Levintal' F.B., Melamed I.I. Geopoliticheskie prioritety energeticheskoi strategii Rossii [Geopolitical priorities of the energy strategy of Russia]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: Ekonomika, politika, pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2012, no. 1, pp. 6–18.

13. Pykhteev Yu.N., Egamov A.I. Model' stremitel'no razvivayushchegosya sektora primenitel'no k rossiiskoi ekonomike [A rapidly developing sector model in relation to the Russian economy]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2014, no. 4-1, pp. 333–338.

14. Gurvich E. Neftegazovaya renta v rossiiskoi ekonomike [Oil-and-gas rent in the Russian economy]. *Voprosy Economiki*, 2010, no. 11, pp. 4–24.

15. The Role of the Oil and Gas Industry in Alaska's Economy. McDowell Group, Inc., 2011, October. URL: http://www.aoga.org/wp-content/uploads/2011/10/2011-McDowell-Study.pdf.

16. Goldsmith S. Alaska's Oil Production Tax: Comparing the Old and the New. Institute of Social and Economic Research. Web Note No. 17. May 2014. URL: http://www.iser.uaa.alaska.edu/publications.php#sthash.4OyD5BTE.dpuf.

17. Berman M. Comparing Alaska's Oil Production Taxes: Incentives and Assumptions. 2014, August, 28 p. URL: http://www.iser.uaa.alaska.edu/Publications/webnote/2014_08-WebNote18-ComparingAKOilTaxes.pdf.

18. Knapp G. An Introduction to the Economy of Alaska. 2012, February, 46 p. URL: http://www.iser.uaa.alaska.edu/Publications/presentations/2012_02-Introduction_to_Economy_of_Alaska.pdf.

19. Goldsmith S. Maximum Sustainable Yield: A Path to a Sustainable State Budget. 2014, January. URL: http://www.iser.uaa.alaska.edu/Publications/presentations/2014_01_09-MaxSustainabeYieldPathtoSustainableAKBudget-AKLegi.pdf.

20. Voronina A.S., Pykhteev Yu.N. Innovatsionnyi potentsial — osnova dolgosrochnogo rosta rossiiskoi ekonomiki [Innovation potential is the basis of the long-term growth of the Russian economy]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2014, no. 3, pp. 25–30.

21. Ushakov E.P. Rentnye otnosheniya prirodopol'zovaniya v Rossii [Rent relations of natural resource management in Russia]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economics of Contemporary Russia*, 2008, no. S1, pp. 213–214.